

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ РОССИИ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ШЕСТНАДЦАТЫЕ ГУБЕРНАТОРСКИЕ ЧТЕНИЯ

Тюмень, 11 марта 2014 г.

Тюменская областная научная библиотека им. Д.И.Менделеева,
филиал Президентской библиотеки им. Б.Н.Ельцина

Лектор — почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель Редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике», декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики **С.А.Караганов**.

Ключевые слова: глобальные вызовы, мировая экономика, геополитика, Запад, Россия, Тюменская область

**Губернатор
Тюменской области
В.В.Якушев**

Уважаемые коллеги! Необычное время, в которое нам пришлось собраться для проведения сегодняшних «Губернаторских чтений», — только видимая, только малая часть тех трудностей, которые нам пришлось преодолеть для того, чтобы они вообще состоялись... Но Чтения все-таки открываются. И не исключено, что наша шестнадцатая встреча в этом формате окажется не просто актуальной, а одной из самых важных по своей значимости.

Мы не раз упоминали о глобальных вызовах, с которыми сталкивается и Россия в целом, и Тюменская область как ее срединный регион. Но, пожалуй, еще никогда мы не ощущали остроту этих вызовов с такой силой, как в последние тревожные месяцы и недели. И, соответственно, мы как никогда нуждаемся в интеллектуальном ресурсе человека, неизменно и по любому счету входящего в первую десятку российских политических экспертов. Человека, посвятившего всю свою профессиональную деятельность анализу глобальных рисков и поиску ответов на них.

Сегодняшний гость — Сергей Александрович Караганов — член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, основатель и почетный председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, председатель Редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике», декан факультета мировой экономики и мировой политики Высшей школы экономики, председатель Международного дискуссионного клуба «Валдай»...

А еще — хочу специально выделить это обстоятельство — инициатор и руководитель грандиозного экспертного проекта «Стратегия XXI»,

о котором Сергей Александрович будет рассказывать тюменским журналистам завтра — но, надеюсь, несколько слов скажет и сейчас.

Теперь — слово неизменному модератору «Губернаторских чтений» Святославу Игоревичу Каспэ.

**Председатель
Редакционного
совета журнала
«Полития»,
профессор Высшей
школы экономики
С.И.Каспэ**

«Мы живем в глобальном мире» — не было ни одних Чтений, где бы не звучали эти слова. Мы к ним привыкли, мы повторяем их автоматически. Однако, кажется, только сейчас мы начинаем по-настоящему понимать их смысл. Жить в глобальном мире... неуютно. Согласно одной старой английской поговорке, тот, кто живет в стеклянном доме, не должен бросаться камнями. Глобальный мир — это стеклянный дом, в котором камнями бросаются все. И мы, и наши партнеры, и крупные, и малые акторы. Это опасно.

Но главная беда в том, что мы плохо умеем отличать реальные угрозы от мифических. Не только Россия; другим игрокам на международной политической арене можно предъявить тот же упрек. Но мы-то думаем прежде всего о нашей стране! И очень часто, непозволительно часто мы с упорством, достойным лучшего применения, начинаем воевать с вымышленными угрозами, тратим на противодействие им прорыв ценных ресурсов — и не замечаем, как с совершенно другой стороны подкрадывается угроза реальная. Которую нам нечем будет отражать.

Так вот, Сергей Александрович Караганов всю свою жизнь — по крайней мере, жизнь профессиональную — посвятил искусству отличения реальных угроз от мифических. Сегодня оно важно как никогда. Сергей Александрович, прочтите нам краткий курс «выживания в стеклянном доме».

С.А.Караганов

Дорогие друзья и коллеги! Основной текст моей лекции начал создаваться около полутора месяцев назад, когда кризис вокруг Украины еще не разгорелся. Поэтому в конце лекции я специально остановлюсь на том, как бурные события последних дней вписываются в более широкий и долгосрочный контекст. Полагаю, что вписываются.

Я сосредоточусь на четырех группах вопросов: 1) тенденции глобальной экономики; 2) состояние духа и морали в современном мире; 3) возвращение трех «Г»: геополитики, геоэкономики, геостратегии; 4) политическая ситуация в мире и на Украине.

1. Что ожидает нас в ближайшие годы в мировой экономике? Замедление роста. Просто потому, что последние 20 с лишним лет она развивалась как никогда быстро. Причем понижительная тенденция будет длительной, она будет господствовать не меньше пяти-семи лет, а может, и дольше. Почему? Во-первых, исчерпалась демографическая подпитка роста: мировое население прирастает только в Африке и на Ближнем Востоке, то есть в маргинальных (по культурно-историческим

и религиозным причинам) регионах. Во-вторых, сокращается доля инвестиций в ВВП. И Россия, и Запад, и азиатские страны ранее «закачивали» денежные средства в сбережения — и превращали их в инвестиционный ресурс. Так, в Китае сбережения достигли 40—45% ВВП и стали расползаться по всему миру. Но с постепенным ростом благосостояния Китая и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии и Индии доля сбережений в ВВП сократится, а мировая денежная масса уменьшится. В Европе и США она упала приблизительно до 20%, в России оказалась еще ниже, недопустимо низкой. Дело в том, что с повышением своего культурного и экономического уровня население начинает значительно больше потреблять и меньше экономить, меньше откладывать на черный день — а значит, и меньше инвестировать.

Период с конца 1980-х по 2000-е годы уникален тем, что происходил серьезный экстенсивный рост мировой экономики. Именно экстенсивный. В результате реформ Дэн Сяопина в Китае в мировой рынок труда влилась огромная масса (около 1,5 млрд.) «копеечных» работников, что резко расширило возможности и производства, и потребления. Последствия антикоммунистической революции привели к тому, что открылись трудовые рынки Восточной Европы и постсоветского пространства, высвободив множество квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, включившихся в мировую экономику и начавших активно потреблять товары, произведенные за рубежом. Результатом стал стремительный экономический рост — прежде всего западного мира, но не только его. Тогда же произошла и информационная революция, способствовавшая повышению производительности труда и более эффективному использованию финансового капитала. Наконец, человечество получило «дивиденды мира», перестав участвовать в чудовищной и бессмысленной гонке вооружений. В странах бывшего СССР, например, расходы на военную промышленность упали в десятки раз (как полагают эксперты, с несуразных 25% ВВП). Кроме того, мир воспользовался глубокой либерализацией торговли, которую сделал возможной знаменитый «Уругвайский раунд» переговоров по международным тарифам и торговле в рамках ГАТТ (длвшийся с 1986 по 1994 г.)

В 1980—2000-х годах мир «снял сливки» со всех этих факторов. Сливки закончились; теперь нас ждут осложнения. Они усугубляются еще и тем, что оказались неадекватными реальности все экономические теории, которыми руководствовались исследователи в последние десятилетия. Кризис, который начался в 2008 г. и продолжается до сих пор, неожиданно продемонстрировал, что никто не знает, как управлять мировой экономикой. Сейчас мы наблюдаем широкое разнообразие методов экономического регулирования, применяющихся для выхода из кризиса. Государства одновременно и закачивают деньги в экономику (кейнсианский метод), и ограничивают расходы (монетаристский метод), и смешивают эти противоположные по своей сути методы в разных пропорциях... А специалисты честно признаются, что просто не

понимают, что делать. Такой интеллектуальный вакуум обязательно будет содействовать замедлению экономического роста, потому что теперь совершенно непонятно, как его стимулировать.

Трудно ожидать и технологических прорывов, подобных происходившим в 1960-е годы, когда «зеленая революция» спасла значительную часть человечества от угрозы голода, или в 1980-е, когда информационная революция повсеместно повысила производительность труда. Мы подошли к «пределам роста», о которых приблизительно 40 лет назад предупреждал «Римский клуб»: экономический рост невозможен и даже контрпродуктивен в условиях истощения минеральных и сырьевых ресурсов (пока еще их хватает, но сколько это продлится, неизвестно) и, главное, загрязнения окружающей среды, граничащего с ее уничтожением. К сожалению, пока никто не предложил альтернативу современным моделям развития, ориентированным на бесконечный рост — а ничего бесконечного в мире не бывает.

В связи с сокращением сбережений ужесточится борьба за инвестиции. Собственно, она нарастает уже в течение примерно 10 лет: переизбыток финансового капитала 1990-х годов сменился его недостатком. Видимо, сохранится дефицит многих видов сырья и металлов, наверняка — продовольствия. Это, кстати, выгодно для России, имеющей колоссальные конкурентные преимущества в этих сферах. Мы являемся вододостаточной страной, а вода — ключевой в современном мире ресурс. Причем даже не питьевая, которой тоже не хватает, а вода, необходимая для орошения полей и индустриального производства. Редко осознается, что самый серьезный дефицит воды не на Ближнем Востоке, а в Большой Азии — в Японии, Китае, Индии, Южной Корее, Юго-Восточной Азии. Одна из главных тенденций будущего — повышение спроса на продовольствие и водоемкие товары, производство которых Россия может значительно нарастить. Кроме нее в выигрыше окажутся Латинская Америка и в меньшей степени США. В проигрыше — большая часть Азии и Ближний Восток.

С высокой степенью вероятности можно прогнозировать стагнацию спроса на энергоносители, относительное и даже абсолютное сокращение их цены — прежде всего на газ, относительно нефти прогнозы более консервативны. Для нефти как ресурса обсуждаемый нами период был уникальным: произошла тайная «энергетическая революция». Еще в 1992—1995 гг. около 70—75% мирового производства нефти контролировалось частными компаниями Запада. А к началу 2000-х годов 80—90% производства оказалось в руках государств, которые стали активно использовать его как оружие в политической борьбе. В результате в ближайшие пять-шесть лет цены на нефть сохранятся на том же уровне. Цены на газ упадут — в первую очередь из-за «сланцевой революции».

Кстати, в ходе украинского кризиса в прессе стали встречаться утверждения, что, мол, сейчас США выбросят на рынок большое количество газа, чтобы подорвать экономику России. Быстро это сделать

невозможно: выход Штатов на рынок газа осложнен экологическими проблемами, недостатком заводов по производству сжиженного газа, зависимостью их собственной экономики от дешевого газа. Преодоление перечисленных трудностей потребует как минимум пяти-шести лет. Но в какой-то степени и в более отдаленной перспективе такая программа точно осуществится.

2. Хотя значение «социально-морального» блока не всегда и не всем понятно, в действительности он играет все большую роль в развитии человечества — по причине демократизации и информатизации мира. В последние 15—20 лет произошла революция в человеческом сознании, ожиданиях, возможностях. Индивид никогда не мог влиять на окружающий мир в такой степени, как сейчас — обладая колоссальным доступом к информации и к другим людям.

Большая часть человечества преодолела голод, страх войны и насильственной смерти. И это уже приводит к серьезным последствиям. Например, рост национализма в Европе связан с тем, что нынешние молодые люди, в отличие от их дедов, не помнят, каково это — в течение одного поколения пережить две мировые войны, густо замешанные на национализме.

Уходят традиционные религии и системы ценностей, образуется ценностный «вакуум». Более очевидным образом — в европейском мире, менее очевидным — в азиатском. Россия здесь выглядит как часть Европы. Если раньше люди тратили почти все свое время на заботу о пропитании, то теперь у них появился избыток досуга, который неизвестно чем заполнить. Отчасти свободное время заполняется погружением в информационные потоки интернета и потребительством, но такие квазиметоды борьбы с духовным вакуумом могут не сработать в долгосрочной перспективе и проиграть «бесам» — в первую очередь тому же национализму. Другая серьезная социальная проблема — углубление социального неравенства, которое нарастает не только в России, но и по всему миру. В США за последние 25 лет разрыв в зарплате между средним работником и средним руководителем вырос на порядок и продолжает увеличиваться.

Также нарастает разрыв между образованными и необразованными. Социальные лифты с ним уже не справляются: богатые дают своим детям качественно другое образование, причем уже с детского сада. Стоимость обучения в американском элитарном детском саду сопоставима со стоимостью обучения в элитарном университете. Дети богатых изначально попадают в принципиально лучшие условия, нежели дети талантливые, но не имеющие подобных возможностей. Фактически рождается новая наследственная аристократия. Одновременно образуется новый плебейский класс, заведомо понимающий, что никто из его членов из своей среды не вырвется никогда.

Замедление демографического роста, помноженное на рост неравенства и увеличение количества стариков, приводит к кризису

и краху модели европейского социального государства (в России она так и не возникла, хотя движение в ее сторону предполагалось). Поэтому в будущем следует ожидать кардинальных перемен в социально-экономической политике, подъема ультраправых и ультралевых настроений по всему миру, радикализации политических расколов. Например, уже произошел глубокий раскол американской элиты, приведший к тому, что республиканцы просто ненавидят демократов и во имя этой ненависти вообще блокируют бюджетный процесс.

3. Геополитика — это вообще-то формула здравого смысла: внешняя политика, помноженная на географию. Она включает в себя геоэкономику и геостратегию (как военный компонент геополитики). Долгие годы геополитикой занимались лишь самые кондовые, маргинальные, некарьеристски настроенные ученые и политики. Фактически геополитика была табуирована. Казалось, что человечество преодолевает свою зависимость от природы, что физическое пространство сжимается, сужается до одной точки под воздействием информационных технологий и современного транспорта. Многие исследователи всерьез думали, что весь мир станет доступным на расстоянии вытянутой руки, что государство как территориальная форма политической организации — пройденный этап развития человечества, что территория более не важна. К тому же один из теоретиков и основоположников геополитики Карл Хаусхофер считался одним из идеологов Третьего рейха (несправедливо — достаточно сказать, что после покушения на Гитлера в 1944 г. он просидел восемь месяцев в Дахау). Соответственно, геополитика стала рассматриваться как подлежащий преодолению элемент чудовищного прошлого. Именно ради такого преодоления возник, например, Евросоюз — который, вопреки распространенному мнению, вначале был политическим и ценностным проектом и лишь затем трансформировался в экономическое сообщество. США, со своей стороны, отказались от геополитики потому, что в 1990—2000-е годы уверовали в концепцию однополярного мира. В мире, управляемом из единственного и единого центра, геополитика не нужна. Наконец, ядерное оружие также поспособствовало тому, что геополитику считали исчерпавшей себя: оно сделало немыслимым очередной передел мира между великими державами. Однако оно же дало возможность таким крупным странам, как Китай, создать плацдарм для выхода на ведущие роли. Ядерный пат СССР и США как будто создал «крышу» для их экономического развития — с последующей конвертацией в политические амбиции.

Теперь геополитика вернулась, и вернулась по праву — пространство по-прежнему имеет значение, от этой зависимости нельзя избавиться. Из-за глобализации экономики, нарастающих климатических изменений и т.п. люди стали все чаще чувствовать себя незащищенными — началась ренационализация мировой политики, ренессанс государств. Именно последние, а не транснациональные корпорации снова находятся в ее центре. Россия от такого процесса в целом выигрывает,

поскольку традиционно делает ставку на свой суверенитет как на ресурс конкурентоспособности.

Еще 30—40 лет назад большинство политических мыслителей утверждало, что территория больше не является значимым преимуществом, и предрекало России «сибирское проклятие» — якобы наши пространства становятся обузой, с которой Россия не справится. Однако азиатский подъем образовал колоссальный спрос на сырье, продовольствие, энергоносители — а значит, повысил ценность территорий, где их можно производить. В результате выяснилось, что Россия обладает крупнейшим активом такого рода. Подобным же образом выиграла Африка, с которой сейчас интенсивно работает Китай: она демонстрирует экономический рост в 4—5%, что в современном мире уникально.

Зависимость человечества от природы тоже никуда не делась: экология — гигантская проблема, решение которой (или неспособность решить) определит наше будущее.

Крах социалистической системы «разморозил» другие проблемы — «спящие» конфликты, ранее подавлявшиеся СССР и США (вместе или по отдельности), а также общей структурой мировых отношений. В первой волне оказались конфликты в Югославии и Афганистане, Приднестровье, Карабах. И ведь это была только первая волна...

США, потерпев серию поражений на Ближнем Востоке, стали покидать регион, унося с собой навязываемый порядок, что привело ко второй волне «размораживания», продолжающейся до сих пор. Демократизация и информационная открытость повлекли за собой дестабилизацию тех регионов, в которых народные массы получили новые средства воздействия на правительства (Египет, Ливия, Алжир, Сирия). Например, Мубарак хоть и правил коррупционными методами, но был просвещенным правителем, подавлявшим антисемитские и антиизраильские настроения, гарантировавшим относительный мир на Ближнем Востоке. Когда к власти пришли исламисты, они породили мощный взрыв антиизраильских настроений, ситуация стала практически предвоенной. Именно поэтому Запад и даже Россия признали, причем со скрытым удовлетворением, новое военное правительство Египта, свергнувшее вполне легитимного исламистского президента.

Третья волна началась в Азии. Подъем Китая вызвал страх у его соседей, а внутри страны породил национальную гордость и стремление расширить сферу китайского влияния. Возобновилась борьба за острова (Сенкаку и прочие), появились новые конфликты в регионе... Побочный результат: Япония и Южная Корея стали относиться к России более благосклонно и с большим интересом, увидев в ней возможный балансир для китайского могущества.

Рост международной торговли привел к усилению внешнеполитической взаимозависимости. Так, сейчас через Малаккский пролив (между Сингапуром и Юго-Восточной Азией) идет 40% мировой торговли, и если там случится война, то мир остановится — как если бы

было применено оружие массового поражения. Десятки стран обанкротятся, десятки режимов развалятся. Между прочим, это тот самый Малаккский пролив, о котором в XVI—XVII вв. в Венеции говорили: «Тот, кто контролирует Малакку, держит руку на горле Венеции». Вот вам возвращение геополитики! По схожей причине никто не решается и не решится напасть на Иран: он способен перекрыть Ормузский пролив, через который идет 40% нефтяного экспорта, чем вызовет мировой энергетический кризис.

В современной геополитической обстановке «старый мир» проигрывает и в борьбе за ресурсы, и в борьбе за человеческий капитал. Он допустил выход негативных тенденций из-под контроля. После 500 лет доминирования Запада (сначала Европы, потом Европы и США), видимо, наступает новая эра. В «новом мире» (в Китае, Японии, Корее, Юго-Восточной Азии, Индии) резко повышается качество человеческого капитала — сначала грамотности, потом и общей образованности населения. Поэтому Запад сбросил перчатки, перестал лицемерить: понял, что проигрывает. Геополитика не просто вернулась — она вернулась в самом жестком, неприятном обличье. Конфликт в Ливии, заявленный как маленькая победоносная война, которая должна была показать, что Запад не отступает, обернулся уничтожением ливийского государства как такового. Да, это было малоприятное государство; но оно по крайней мере было, а ему на смену пришел хаос. Сирия была попыткой оправиться от серии поражений, нанесенных Западом самому себе в Ираке и Афганистане, попыткой остановить падение. Тоже не вышло. Украина... На ней мы остановимся позже.

Идет беспощадная война за сферы влияния. ЕС, взяв курс на расширение, пытается хотя бы создать впечатление своего геополитического усиления — на фоне фактического проигрыша. «Старый Запад», уступая в экономике и в военной сфере, резко активизировал идеологическую борьбу. Доминирующие позиции, все еще занимаемые Западом в идеологической и информационной области, используются, чтобы сместить сюда центр соревнования, и это понятно: действительно, именно на Западе создан самый гуманный, самый комфортный для человеческой жизни социальный порядок, это неоспоримо. Лозунги демократии и прав человека — последний ресурс для защиты позиций «Старого Запада». Но все равно ясно, что западная демократия в нынешних условиях не является оптимальной, эталонной моделью для всех. Она представляет собой специфический приз за успешное развитие, но не способна служить источником развития. Демократию могут позволить себе только страны, исторически выстрадавшие и заслужившие ее. И даже для них она не вполне эффективна: очевидно, что Европа отстает в экономической борьбе во многом из-за производных от демократии ограничений. Впрочем, следует заметить, что в состоянии стагнации находится больше авторитарных, чем демократических стран (демократические хоть как-то, но развиваются; авторитарные при

прочих равных условиях к развитию менее приспособлены, хотя есть и блестящие исключения).

4. Кто побеждает в мировой конкуренции? Запад в начале 1990-х годов инициировал либерализацию мировой торговли и, как уже было сказано, в полной мере воспользовался ее результатами. Но спустя приблизительно десятилетие Китай, имея огромное преимущество дешевой рабочей силы, стал вытеснять Запад из большинства традиционных областей производства. Традиционная индустрия в Европе стала умирать, стала уходить и из Америки (впрочем, сейчас американцы занялись реиндустриализацией, и не без успеха). США постарались закрепить экономико-политическую победу в «холодной войне» военным превосходством, что лишь ускорило процесс деградации Запада. Вторжения в Ирак и Афганистан повлекли за собой чудовищный репутационный и экономический ущерб: при Джордже Буше-мл. на эти войны было потрачено около триллиона долларов, которые фактически вылетели в трубу — побед-то так и не было.

Сейчас выделяются два основных аспекта глобальной конкуренции. Во-первых, экономико-технологический, то есть способность производить новые знания и технологии (лидер — США) или адаптировать их для массового производства и потребления (лидер — Китай). Нетрудно понять, что ключ к успеху в этом отношении — высокое качество человеческого капитала. Во-вторых, идейно-информационный, связанный с демократизацией и виртуализацией мира. Люди поглощают все больше информации, поэтому им кажется, что виртуальное важнее реального. Насыщение информацией становится важнее и ее осмысления, и реальных действий. Преимущество получают те, кто может создавать образы, идеи, иконы и символы — и транслировать их максимально широкому кругу потребителей. Виртуализация привела и к возникновению нового типа политика, который постоянно должен реагировать на хаотические внешние раздражители, но который по этой же причине не способен выстраивать долгосрочные стратегии. В новой информационной ситуации навязывание своего взгляда, своих идей снова становится самым эффективным способом политико-экономической борьбы — никакого «конца идеологий».

Процессу реидеологизации способствует и моральный вакуум, в который погружается большая часть мира. Благополучие достигнуто, появилось свободное время, нет войн и угроз — но нет и цели развития, уходит вера в Бога (или богов), предоставлявшая систему ценностей и опору человеческому существованию. Общества и страны, которые сумеют заполнить возникающий вакуум, откроют мощный источник силы. Те из них, которые смогут качественно создавать, сохранять и воспроизводить информацию, образы и идеи, получат огромные преимущества. Запад активно действует в этом направлении, но все равно растрчивает капитал доверия, накопленный за последние столетия. Однако сам этот капитал огромен. «Мягкая сила», главная сила Запада — не навязывание кому-то своих взглядов, а предъявление

примеров, которым хочется подражать. И ведь действительно хочется! Вот и украинцы стремятся обособиться от России именно потому, что хотят жить по-человечески, без чудовищного воровства, без массового нарушения прав человека, без свинства властей — а такой образ жизни с полным основанием ассоциируется именно с Западом.

Общий вывод: в современном мире побеждают те, кто может производить технологии или их применять, те, кто может производить идеи или их транслировать. Сказанное означает, что главным предметом, инструментом и объектом мирового соревнования является человеческий капитал, способный обеспечить все перечисленное. Главная конкурентная борьба происходит вокруг него. «Стратегия XXI», разработанная Советом по внешней и оборонной политике, раскрывает этот тезис более подробно. Но главный ее смысл: нам надо развиваться самим и для самих себя, а не для кого-то другого.

Теперь о ситуации, сложившейся вокруг Украины. Сразу оговорюсь, что мой анализ будет сознательно неполным, поскольку мы находимся в открытой аудитории; но я выскажусь с максимально возможной в этом формате откровенностью.

Генеральная причина нынешнего кризиса в том, что «холодная война» не была закончена подписанием мирного договора — и продолжилась, но уже в скрытом, латентном виде. Россия несколько раз предлагала заключить некое соглашение и формально завершить ее, но Запад, надеясь на дальнейшее расширение своего влияния, в этом неизменно отказывал. Каток НАТО катился на восток до тех пор, пока Россия не стукнула кулаком по столу в Грузии. Тогда вперед покатился каток Европейского союза... Незавершенность «холодной войны» оказалась для России раной, которую заражают все известные инфекции — и экзогенные, и эндогенные.

Другая причина в том, что Россия хотела хотя бы в некоторой степени восстановить сферу своего влияния — грубо говоря, создать через экономический союз мягкий вариант Российской (не советской) империи. Такому развитию событий стали активно препятствовать, в том числе попыткой подписания договора об ассоциации Украины с Европой, прямо исключавшего возможность вступления в какие-либо ассоциации с Россией.

Наконец, в позапрошлом и особенно прошлом году — под воздействием серии дипломатических побед России и желания предотвратить дальнейшее усиление ее позиций, в том числе на территории бывшего СССР, — началась беспрецедентная пропагандистская атака. Я со времен «холодной войны» не помню такого потока лжи; наиболее сильным он был во время Олимпиады. Вероятно, у наших элит сложилось впечатление, что готовится новая политика сдерживания России.

Запад стремился хотя бы символически компенсировать череду своих геополитических неудач, нанеся России ошутимое морально-политическое поражение. В особенности выделялась Польша, мечтавшая о восстановлении великой империи Ягеллонов (в действительности

никогда не существовавшей); кроме того, некоторые шведы хотели по квитаться с Россией за утрату статуса великой державы, которым Швеция обладала в XVIII в... Именно эти страны, а также США, видимо, и стояли за попыткой втянуть Украину в орбиту Евросоюза. Остальным европейцам было не до того. Думали, что Россия, как всегда, все проглотит — либо ситуация рассосется сама собой.

Сама Украина оказалась неспособной построить мало-мальски эффективную государственность, обеспечить нормальное функционирование экономической и политической системы — прежде всего из-за отсутствия государствообразующей элиты. Каждое следующее ее поколение было хуже предыдущего. Кравчук и Кучма (первое поколение) — люди старые, советские, игравшие в национализм, но хотя бы остававшиеся вменяемыми управленцами... Дальше началась полная деградация. В результате Украина пришла к политическому и экономическому коллапсу, имея европейское по сути население, которое испытывает огромную моральную потребность в нормальном качестве жизни. Вместо того чтобы ее удовлетворить, украинские политические элиты стали метаться между Россией и Европой, выторговывая различные привилегии (чем, впрочем, занимались и 400 лет назад).

Последний президент Украины, ныне изгнанный, пошел «европейским путем», в очередной раз надеясь получить нечто от России. Шантаж удался, Янукович заработал свои 15 млрд. — и тут же метнулся в обратную сторону. Возмущенная общественность, которой надоели и власть, и нищета, вышла на улицы. Одновременно оказалось, что к ситуации готовы боевики (отчасти деклассированные элементы, отчасти заблаговременно натренированные; в какой именно пропорции, неизвестно). Их выход на авансцену привел к сегодняшнему положению. Очевидно, что подорваны сами основы того режима, в котором Украина существовала после краха СССР, и к прошлому страна уже не вернется.

Однако дело не в Украине. Происходящее — начало длительной, тяжелой игры. Борьба ведется не за Крым, и даже не за Украину, а за изменение тех правил, которые навязывались нам в последние 20 лет. Борьба ведется за подлинное прекращение «холодной войны». Да, в этой борьбе Россия может и проиграть. Но, видимо, наши элиты сочли, что если такую игру не завязать прямо сейчас, проигрыш обеспечен гарантированно — рано или поздно. Ситуация непростая, и на долгие годы: если мы выиграем, то либо в Киеве, либо в Варшаве, либо в Москве будет подписан мирный договор, контуры которого в целом понятны и по которому, скорее всего, Украина будет поделена на сферы влияния или превратится в несколько государств... Возможно, возникнет новый договор о европейской безопасности, который действительно создаст новый союз Европы как единое политическое и экономическое пространство — от Лиссабона до Владивостока. Тогда выиграем не только мы, но и вся Европа. Но это — оптимистические сценарии. Есть и пессимистические.

**Генеральный
директор
«РН-Уватнефтегаз»
Е.В.Задорожный**

Тема конкурентоспособности России и отдельных ее регионов в нефтяной отрасли стала особенно актуальной с учетом последних изобретений, в частности, в области добычи сланцевой нефти — об этом вызове упоминал С.А.Караганов. Новые запасы трудноизвлекаемы и не настолько обширны, старые истощены, поэтому задача достижения новых технологических прорывов представляет особый прагматический интерес. Именно с учетом этих задач развивался Уватский проект. Именно он дает нам основания полагать, что Тюменская область не проиграет в глобальной конкуренции.

Первая опорная скважина на Увате была заложена еще 50 лет назад, но удаленность, характер местности и сложное строение коллекторов месторождений долгое время не позволяли найти экономически эффективный способ разработки. Например, поскольку местные болота почти не замерзают, нам приходится строить платформы, похожие на те, что используются при добыче шельфовой нефти.

В 2004 г. в Тюмени состоялось подписание Соглашения о стратегическом сотрудничестве между администрацией Тюменской области и компанией ТНК-ВР, которое формализовало начало полномасштабной реализации большого инвестиционного проекта. Принципы, заложенные в соглашении, продолжают формировать благоприятный инвестиционный климат развития Уватского проекта и сегодня. За это время объем извлекаемых запасов увеличился в несколько раз.

Развитие Увата позволило сформировать целый кластер смежных отраслей — 60% контрагентов, задействованных в проекте, являются резидентами Тюменской области. К концу 2013 г. объем нефтедобычи вышел на уровень приблизительно 9 млн. т. Потенциал Увата высок: из 35 месторождений сегодня введено в эксплуатацию только семь, в ближайшие пять лет планируется ввести еще девять. Кроме того, планируется значительно снизить производственные затраты, увеличив таким образом капиталоемкость производства.

Как опять же говорил С.А.Караганов, сегодня для того, чтобы быть лидерами и даже просто оставаться на плаву, требуется находить и реализовывать новые технологические решения. И в этом отношении Уватский проект является эталонным. За счет применения уникальных технологий удалось добиться значительного ускорения бурения скважин: если ранее они бурились в течение примерно месяца, то сейчас практически за день проходит расстояние в 1500 метров, что составляет почти половину от предполагаемой глубины. Кроме того, внедряются и технологии, направленные на экономию энергозатрат, интенсификацию потребления электроэнергии. В результате дальнейшего развития проекта будет завершено создание инфраструктуры и производственной базы нефтегазоносной провинции в Тюменской области, для которой Уватское месторождение станет не только стабильным источником налоговых поступлений, но и центром целого экономического кластера. Есть такая знаменитая формула: «Мыслить глобально, действовать

локально». Уват — существенная часть нашего локального ответа на глобальные вызовы.

**Директор
Института истории
и политических
наук Тюменского
государственного
университета
С.В.Кондратьев**

Тема главного выступления для нас особенно важна потому, что Тюменская область — один из ключевых геополитических сегментов России, исторически и географически — и геополитически! — связанный и с Востоком, и с Западом. Свой доклад я построил на основе сравнения представлений об угрозах и вызовах, преобладающих в трех центрах мирового влияния: США, России и Китае. Это анализ риторики; но именно риторика конфигурирует смысловые поля и программирует человеческое поведение, и один из ярких тому примеров — современная Украина.

В своей Нобелевской речи Барак Обама сказал, что порядок в мире должен обязательно опираться на силу — силовой ресурс в мировой политике остается по-прежнему актуальным. В январском докладе комитета Сената США по разведке прозвучало, что основными современными угрозами являются киберугрозы, терроризм, распространение оружия массового уничтожения, милитаризация космоса, транснациональная преступность, глобальный экономический кризис, борьба за ресурсы и различные природные катаклизмы. Помимо глобальных, существуют и региональные угрозы, такие как «арабская весна» на Ближнем Востоке, Иран, Ирак, Южная и Восточная Азия, Россия. Для самих американцев, судя по опросам общественного мнения, самое страшное — это иранское ядерное оружие, терроризм, ядерная программа Северной Кореи, международная финансовая нестабильность, подъем Китая, политическая нестабильность Пакистана. Иран лидирует; но замечу, что примерно с XVIII в. Иран ни на кого не нападал. Это СМИ сделали из него глобальную угрозу, в которую поверили миллионы.

Владимир Путин в своем Послании к Федеральному собранию 2012 г. заявил: «Мы должны не просто уверенно развиваться, но и сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация». В числе названных им здесь и в других публичных выступлениях угроз фигурируют разрушение традиционных ценностей в мировом масштабе, международный наркотрафик, иранская ядерная программа, рост национализма, гонка ядерных и неядерных вооружений, региональные конфликты, неравномерность мирового экономического развития, конкуренция за ресурсы. По данным «Левада-центра», население России боится распространения исламского фундаментализма (≈40%), национальных конфликтов (≈40%), китайского влияния, вложений западного капитала в экономику России.

Китайскую картину мира можно реконструировать на основе Белой книги «О национальной военной обороне» 2013 г. Политическая элита Китая считает, что страна должна стать глобальным лидером — и принять на себя глобальную же ответственность. Несмотря ни на что, сохраняется значимость силовой политики, а также опасность,

исходящая от очагов локальных конфликтов. Главных вызовов три: экстремизм, сепаратизм, терроризм; кроме них отмечены информационные и компьютерные угрозы.

На основе этого элементарного сравнения становится видно, что картины мира США, России и Китая (по крайней мере на уровне риторики), не совпадая в целом, пересекаются. В них присутствует ряд общих и неоспоримых проблем: наркотрафик, организованная преступность, распространение ядерного оружия, иранская ядерная программа, международный терроризм, региональные конфликты, национализм, сепаратизм, загрязнение окружающей среды. Здесь и надо искать возможности для сотрудничества.

Наконец, отдельно хочу отметить: поскольку в настоящее время особенно острой является борьба за человеческий капитал, нельзя забывать о роли интеллигенции как его производителя. Интеллигенция — социальный слой, создающий и тиражирующий идеальные продукты. Поэтому именно на нее — и на университеты как главную среду обитания интеллигенции — должен быть сделан основной упор, если мы хотим контролировать дальнейшее развитие ситуации.

**Профессор
кафедры
маркетинга
и муниципального
управления
Тюменского
государственного
нефтегазового
университета
С.А.Шестаков**

За 70 лет господства «единственно верного учения» оформилось устойчивое отвращение к любой идеологии. Соединенное с боязнью появления новых «великих учителей», оно в немалой степени обусловило возникновение ст. 13 нашей Конституции, гласящей: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Указанное положение Конституции России дало основание некоторым недобросовестным обществоведам и политикам трактовать его так, будто идеология в России запрещена как явление.

В реальности же после развала советской политической системы и по сегодняшний день происходит распад нормативно-ценностной сферы; такое ее состояние можно охарактеризовать дюркгеймовским термином «аномия». В начале 1990-х годов квазилиберально ориентированная научная и политическая мысль провозгласила последним словом истины принцип деидеологизации. Этот постулат был подвергнут разгромной критике целым рядом российских ученых-обществоведов — деидеологизация оказалась «токсичной технологией», по формулировке выдающегося российского философа А.С.Панарина.

В течение постсоветского периода идейно-политические ориентиры как правящего класса, так и массового сознания россиян претерпели причудливые эволюции. В первой половине 1990-х годов в идеологическом пространстве России имел место весьма редко наблюдаемый в мировой исторической практике феномен: исповедание патриотизма трактовалось квазилиберальными СМИ как нечто недопустимое. Политический класс не только самоустранился от проблемы идеологии, но и через своих бесчисленных «идеологических черно-рабочих» — «властителей дум» — навязывал курс на деидеологизацию.

На этом фоне многие ученые, литераторы, общественные деятели, проявляя высокое гражданское мужество, не пытались приспособиваться, а, наоборот, активно вели теоретическую и публицистическую работу по формированию российской постсоветской идеологической идентичности.

К концу 1990-х годов стало очевидно, что российское массовое сознание не приемлет столь радикального отрицания патриотических ценностей. В результате прямолинейные формы антипатриотизма сменились более тонкими и технологичными методами психологической войны. Ощущая перемену конъюнктуры, правящий класс России к концу 1990-х годов начал сдвигать свой политико-идеологический вектор в направлении патриотических и государственных ценностей.

Одним из знаковых событий в этом контексте стало выступление Владимира Путина на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в 2013 г., практически полностью посвященное проблеме формирования современной российской идентичности. Я бы охарактеризовал его как «идеологическую революцию». Путин со свойственной ему прямоотой впервые за весь постсоветский период поставил задачу формирования российской общенациональной идеологии.

За окончательной реабилитацией идеологии как социально-политического феномена на уровне общей теории должна последовать масштабная работа по оформлению теории среднего уровня относительно проблемы существования идеологии в рамках российской социокультурной идентичности, а далее — по формированию методик, технологий политико-идеологической работы на всех уровнях социума. В политической науке США, например, сложилась давняя традиция исследований чувства американской гражданственности. Так, патриарх американской политической науки Чарльз Мерриам является автором работы «Воспитание гражданственности в США». А классик американской политической науки Дэвид Истон верно отмечает: «Изучение и конструктивное развитие ценностей — неизменные объекты исследования политики».

Политическая наука всегда имеет аксиологический вектор. Поэтому одной из базовых задач российской политической науки должна стать широкомасштабная работа по формированию современного российского массового политического сознания в рамках собственной цивилизационной идентичности.

С.И.Каспэ

Поскольку только что была прямо затронута сфера моих научных интересов, не удержусь от короткого комментария. Если мы тут занимаемся производством смыслов, то надо очень внимательно относиться к выбору слов. «Идеология», «национальная идея», «гражданственность», «система ценностей» — все это разные вещи. Каждая из них требует отдельного разговора, специального теоретического и практического

инструментария. Так вот, «нормативно-ценностный» кризис (сам по себе неоспоримый) вовсе не лечится установлением общеобязательной государственной идеологии. Просто нет таких прецедентов. И даже не просто не лечится — он усугубляется. Так болезнь только загоняется вглубь — и еще больше разлагает социальную ткань. Поэтому давайте не путать сущности — это верная дорога в тот тупик, в котором мы уже были.

**Свободный
микрофон**

Студент Тюменского государственного университета С.Хорошенин: С.А.Караганов говорил о начале нового времени, о перемещении центров роста мировой экономики. Россия реагирует на эту тенденцию новыми предпочтениями Дальнему Востоку, наращиванием экспорта нефти в Китай. Но не запоздали ли эти меры? Не стоило ли предпринимать их тогда, когда Китай демонстрировал наибольший экономический рост, а не перешел к его замедлению, как сейчас?

Студент Тюменского государственного университета А.Болотнов: Известно, что 25 мая состоятся досрочные президентские выборы на Украине. США заявили, что поддержат любого кандидата, который придет к власти при соблюдении демократических процедур. А есть ли у России какие-либо определенные предпочтения?

Директор интернет-газеты «Вслух.ру» Ю.Бурова: Какую роль главный докладчик отводит масс-медиа в формировании «идейно-информационной реальности»? Способны ли отечественные СМИ противостоять другим субъектам ее формирования?

Генеральный директор ООО «ПолимерПласт» Р.Х.Гайсин: Существует несколько школ бизнес-образования: азиатская, европейская, американская... Какую из них мог бы порекомендовать молодым людям Сергей Александрович?

Студент Тюменского государственного нефтегазового университета Д.Павлов: Если Крым все-таки будет присоединен к Российской Федерации, не получим ли мы в его лице еще одну Чеченскую Республику?

Советник заместителя председателя Тюменской областной думы А.Н.Кириченко: Может ли «русский мир» за границами России быть для нее фундаментальным фактором геополитической деятельности?

Представитель пресс-службы регионального отделения партии «Гражданская платформа» И.Самойлик: Идеи главного доклада, как мне кажется, воспроизводят штампованные образы, распро-

страняемые отечественными СМИ: Запад загнивает, украинские элиты теряют суверенитет, Россия должна дать отпор нападкам Запада... Не приведет ли так называемое «мирное присоединение» Крыма к еще большему разделению российского и украинского народов?

Исполнительный директор благотворительного фонда «Развитие» г. Тюмени В.В.Барова: Было сказано, что демократия — «приз» за развитие, а не его источник. Но почему демократия не может способствовать самому развитию?

Директор Информационно-аналитического центра Тюменской области А.В.Михайлов: Какие основные задачи останутся у государственных институтов в ситуации развития электронных способов коммуникации власти и общества?

С.И.Каспэ: Ну и я напоследок задам Сергею Александровичу два ехидных вопроса. Первый. Когда я слушал фрагмент лекции, где говорилось о появлении нового плебса, о переизбытке свободного времени, о деградации человеческого капитала, мне стало казаться, что звучит нечто знакомое. И действительно: вот несколько цитат, которые я тут же отыскал в сети. «Никогда за всю историю человек не знал условий, даже отдаленно похожих на современные <...> Создано новое сценическое пространство для существования человека, — новое и в материальном, и в социальном плане. Три начала сделали возможным этот новый мир: либеральная демократия, экспериментальная наука и промышленность». «Тот мир, что окружает нового человека с колыбели, не только не понуждает его к самообузданию, не только не ставит перед ним никаких запретов и ограничений, но, напротив, непрестанно берedit его аппетиты, которые в принципе могут расти бесконечно». И далее: «Психологический рисунок сегодняшнего массового человека... — беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной природы... врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Ведь тот же самый диагноз, правда? Проблема в том, что приведенные цитаты — из книги Хосе Ортега-и-Гассета «Восстание масс», увидевшей свет в 1930 г., то есть еще до всякого интернета. Отсюда возникают две гипотезы. То ли на самом деле ничего нового не происходит, а просто мы никак не можем научиться жить с диагнозом, поставленным 80 с лишним лет назад (хотя пора бы); то ли происходит нечто по-настоящему новое, такое, что мы вообще не способны верно идентифицировать, а вместо того пытаемся втиснуть в старые схемы. Оба варианта по-своему опасны.

Второй вопрос. Я восхищен экспертным и ораторским мастерством Сергея Александровича Караганова. В его замечательной лекции, посвященной глобальным вызовам, идейной и ценностной конкуренции и т.п., ни разу не прозвучало слово «ислам». Ни разу: я специально следил. Однако ведь именно этот ценностный комплекс, возможно,

наиболее конкурентоспособен в современном мире — во всяком случае, если принять, что мерилом конкурентоспособности идеи является готовность за нее умереть. Европейцы за европейскую идею умирать однозначно не хотят. Американцы за американскую пока еще готовы, но все меньше. В чем состоит китайская идея, просто никому не известно, но китайцы за нее точно не умирают. Российская идея немногим яснее китайской. А вот ислам...

С.А.Караганов

С.В.Кондратьев на примере Ирана отлично показал, как те или иные образы средствами риторики навязываются массовому сознанию. Действительно, Иран очень давно ни на кого не нападал — более того, он является самым просвещенным, самым образованным государством Персидского залива и вообще исламского Ближнего Востока. Информационная борьба против него ведется именно потому, что он выигрывает в любом сравнении с окружающими его режимами (понятно, Израиль здесь выносится за скобки). Еще один пример столь же искусственно навязываемой угрозы — Китай, одна из наименее агрессивных цивилизаций. Китай ни на кого не нападал уже этак 600—700 лет — он предпочитает другие методы. Тем не менее мы его боимся. Почему? Потому что создаем себе пристрастную и попросту не адекватную реальности картинку. Один пример: пресса постоянно шумит о «китайском засилье» на Дальнем Востоке, о том, что китайцы массово проникают в Россию... Это чушь. В России постоянно живет меньше китайцев, чем, например, немцев — не этнических немцев, а граждан ФРГ. Это факт, все остальное — мифы.

Об идеологии, национальной идее, ценностях и идентичности. Главная проблема в том, что мы за последнее «жирное» десятилетие обленились. Мы решили, что все будет идти само по себе — и не занимаемся ни строительством заводов, ни созданием новых идей. Совершенно ясно, что русская интеллигенция должна действовать в этом направлении, а не оставаться в привычной и по-своему приятной самоизоляции, усугубляя взаимное непонимание и неприятие между собой и властью. Ситуация напоминает рубеж 1970—1980-х годов, когда существовало относительное благоденствие, затишье и застой. Все это было разрушено в один миг, и к краху не оказался готов никто. Чтобы создать национальную идею, нам всем надо научиться работать над собой. Кстати, «Стратегия XXI» как раз и является попыткой призвать к такой работе и элиты, и массы.

Опоздали ли мы с Китаем? Я практически 15 лет уговаривал наши экономические и политические элиты повернуться лицом к Востоку, но в необходимость подобного поворота никто не хотел верить. Лет пять назад мы наконец начали двигаться в этом направлении. Пусть очень медленно, пусть с огромными сложностями, но мы стали преодолевать ряд заскорузлых ментальных установок: что Сибирь — это обуза и «колония», что она — фронт в противостоянии с Китаем и тыл

в противостоянии с Западом... Поздно ли? Зарабатывать деньги и развиваться никогда не поздно. Однако многие фантастические возможности действительно были упущены. Китай будет развиваться и дальше, замедление его экономического развития — лишь знак того, что оно приобретает другие формы, переориентируясь на внутренний рынок. А последнее, как уже было сказано, создает для России огромные возможности.

На Украине я сейчас, к сожалению, не вижу никого, кто мог бы реально возглавить страну. Элита довела страну до такого состояния, что ничего хорошего дальше быть не может. Украина начнет разваливаться, и что получится в итоге, неизвестно. Полагаю, что Россия будет осторожно содействовать этому процессу, стремясь его контролировать и извлекая выгоды для себя.

О бизнес-образовании. Конечно, лучше всего американское. Но надо понимать, что оно предназначено для наемных менеджеров, а не для хозяев компаний. А вот хорошее, максимально широкое отечественное образование лучше именно для владельцев: невозможно, например, торговаться с теми же китайцами, не имея представления о культуре, традициях и ценностях населения этой страны. Бизнес-школы такого представления не дают, они не расширяют, а сужают кругозор. Между прочим, среди миллиардеров нет ни одного (или почти ни одного) выпускника бизнес-школ. Так что хозяину лучше учиться в хорошем русском университете и заниматься самообразованием, а его заместителю — поучиться в Америке.

Концепция «Русского мира», несмотря на многочисленные попытки ее как-то оживить, работает слабо, причем в основном на благо эмиграции, а не на благо страны. В общем, это люди, которые ушли из страны и не хотят возвращаться. Может быть, что-то изменится, но сейчас я таких признаков не вижу.

Крым — вторая Чечня? И да, и нет. Во-первых, там нет чеченцев. А чеченцы — совершенно особый, очень боевой народ (читайте Солженицына, «Архипелаг ГУЛАГ»). Проблемы, конечно, будут, но источником их станет прежде всего Западная Украина, где огромное количество деклассированных элементов, легко вербуемых неофашистскими группировками.

Я не говорил, что Запад загнивает! Он слабеет, да; но даже если вы настаиваете на термине «загнивает», то это блистательное «загнивание», которому можно позавидовать. Между прочим, оно будет продолжаться еще очень, очень долго — благодаря огромному накопленному культурному капиталу, который можно продавать так же, как нефть. Да, происходящее отчасти похоже на мрачные предсказания Шпенглера. Но только отчасти. Американцы способны к мобилизации и, возможно, в отличие от Европы, выйдут из кризиса. Проблема именно в том, что европейская модель развития оказалась в тупике. Последнее очень невыгодно для России, куда модернизация всегда приходила с Запада.

Ввод войск еще больше разделит Россию и Украину? Да, так и произойдет. Но С.Шойгу никого не обманывал, уверяю, вы об этом скоро узнаете: никаких войск на Украине нет и не было, там просто... люди русские.

(Смех в зале)

Демократия — результат развития общества. Общества, перешедшие к демократии на низком уровне развития, не развиваются никогда — подчеркиваю, никогда. Ужасный пример — та же Украина, которая, имея в начале 1990-х годов ВВП в 120% от белорусского, теперь довела его до 50%. Причем Белоруссия, как мы понимаем, не самый эффективный режим и не лучшая экономическая модель! Именно поэтому демократическое устройство нередко навязывается как раз с целью замедлить развитие конкурента. Полудемократическая Индия, например, значительно отстает от Китая. Если говорить о России, то нам демократия нужна — прежде всего для борьбы с коррупцией, с ошибками властей. Но каждое общество выбирает оптимальное соотношение между демократией и автократией самостоятельно.

Да, Ортега-и-Гассет был прав тогда и остается прав сейчас. Просто с тех пор стало еще хуже, тяжелее. Исследователи вообще не понимают, что такое «современный человек», что сейчас происходит с человечеством, с массовым сознанием. В частности, в очень короткий промежуток времени произошел устойчивый и массовый отказ от моральных ценностей как таковых. Попытки остановить этот процесс «консервативной волной» могут лишь ухудшить ситуацию, если на смену борьбе либералов и реакционеров придет война нигилистов и мракобесов. Только опора на университеты и школы поможет не свалиться ни в одну из дурных альтернатив. Героями России теперь должны быть не только солдаты, но также учителя и врачи. Ну и, конечно, нефтяники, которые все это обеспечивают.

(Смех в зале)

Ислам — неконкурентоспособная идея. Ближний Восток, например, проигрывает в первую очередь из-за ислама, традиционалистская ветвь которого не дает обществу участвовать в мировой конкуренции ни в сфере идей, ни в области технологий. Исламская идеология не победит, но она способна мобилизовать воинственных приверженцев. Это действительно большая проблема. Может быть, позже появятся принципиально новые идеологии. Но сегодня мы живем в таком идейном вакууме, который не способен заполнить даже ислам.

В.В.Якушев

Действительно, сегодняшнее положение России в мировой политике непростое — и мы стали лучше его понимать. Именно для таких дискуссий проводятся «Губернаторские чтения»!

Я хотел бы серьезно высказаться относительно событий на Украине — или в Украине, как угодно... в общем, в той точке земного шара, которая сегодня привлекает внимание всего мира.

Все мы получаем практически одну и ту же информацию. Хотя разные источники подают ее по-своему, но есть вещи неоспоримые. Например, нельзя спорить с тем, что в ходе событий на Майдане были убиты мирные люди — по обе стороны баррикад. Поэтому можно определенно сказать, что смена власти не была бескровной. Губернаторы многих регионов оставляли свои посты под прямым давлением, вплоть до угроз жизни — и их собственной и, главное, членов их семей. Бывший мэр Киева Александр Попов, выпускник Тюменской строительной академии, с которым у нас есть прямая связь, лично мне рассказывал о совершенно бесчеловечных методах воздействия. Как это можно оправдывать?! Когда угрожают жизни твоего ребенка, подпишешь любую бумагу!

Можно много рассуждать, как этой стране предстоит жить дальше, кто станет ее президентом... Но нельзя отрицать одного: произошел вооруженный переворот с участием боевиков так называемого «Правого сектора». Мы знаем немало аналогичных сценариев: сначала появлялись радикальные группировки, стреляющие и в правых, и в виноватых, а потом развязывалась гражданская война...

Я уверен, что действия России были совершенно правильными. Если бы мы не объявили о возможности (только о возможности!) введения войск, убийства людей при невыясненных обстоятельствах продолжились бы. США и Евросоюз обратили внимание на происходящее только тогда, когда Россия пошевелила мускулами: беспредел наконец-то сменился переговорами. В общем, надо всегда помнить о жертвах — и прошлых, и потенциальных. Ведь именно люди — центр и смысл любой политики.

В результате мы имеем на Украине незаконное, нелегитимное правительство, пришедшее к власти вооруженным путем и пытающееся отменить ряд важнейших с точки зрения обеспечения стабильности и безопасности законов (в частности, в Крыму). Крым, в свою очередь, принимает собственные законы и стремится по результатам регионального референдума войти в состав Российской Федерации. Действительно, ситуация со стороны международного права весьма противоречивая. Но когда появятся результаты референдума, станет проще — ведь так будет выявлена воля самого населения.

В Тюменскую область недавно поступило официальное письмо одной семьи из Ровенской области с просьбой о предоставлении убежища. Я его читал. Там подробно говорится о произволе крайне правых сил: под видом сбора денег на Майдан у людей отбирают имущество, им угрожают насилием... Можно ли, учитывая это, позволять ультраправым участвовать в выборах? Если Запад такое допустит, то получит политического лидера с винтовкой в руках. И как с ним будут выстраивать отношения? Даже новое правительство, избранное на Майдане, может из-за действий экстремистов остаться не у дел!

Такова складывающаяся ситуация. Можно ли в ней оставить без защиты Крым, живущих там русских? Бывают случаи, когда вопросы

международного имиджа страны отходят на второй план. Иногда нужно делиться и последним куском — чтобы не потерять моральные основания называть себя русскими и говорить о патриотизме. Если не проявить солидарность сейчас, потом ее могут не проявить и с нами. Понятно, что нашему президенту сейчас особенно сложно принимать какие-то решения, вести переговоры в ситуации крайнего давления. Поэтому нельзя ставить его официальные действия под сомнение — как действия главы государства. Это мое личное мнение о происходящем с Украиной.

Говоря о внутренних вызовах, отмечу прежде всего проблему экстремизма. Его проявления усугубляются год от года, и если сообща с ними не бороться, то может произойти нечто, подобное случившемуся на Украине. Надо проводить профилактику экстремизма, жестко реагировать на него силами правоохранительных структур. В Тюменской области проживает 140 национальностей, обладающих собственной культурой, языком, обрядами — и мы должны их уважать, отмечая и пресекая любые случаи неуважения национальных чувств. Действительно, мы стали ленивы, от многих отвратительных вещей мы просто отводим глаза. Равнодушие закладывает мину под наше будущее. И важнее всего тут не меры полицейского реагирования, а предупреждающая активность. Нам жаль украинцев, мы беспокоимся о них: с этими людьми мы неоднократно общались, в эту страну часто ездили, многие имеют там друзей и товарищей. Нам надо не просто смотреть на печальные события на Украине, но и учиться — тому, как не допустить ничего подобного на родной земле.